

Сибирь всегда была заветной землей для Владимира Чивилихина. Он писал: «Осенью птицы улетают на юг, в теплые края, а меня почему-то тянет на восток, в Сибирь. Вначале я думал, что это обыкновенная ностальгия, тоска по родным местам, однако друзья придумали для моей болезни другое название — «сибирка». Край, давший ему жизнь (он родился в Мариинске, вырос на маленькой станции с поэтическим названием Тайга; потом это слово в чивилихинских книгах зазвучит заманчиво и окрыленно), направил и первые трудовые шаги: будущий журналист и писатель был слесарем, кочегаром, помощником паровозного машиниста, бригадиром в депо, мастером железнодорожного училища. Потом опыт юных рабочих лет, благодарное чувство к поставившей на ноги малой родине скажется почти во всех книгах, вплоть до последней, которую он успел дописать и в которой мощно и купно объял мыслью и чувством великое историческое поле общей нашей Родины, России, — двух монументальных томах «Памяти».

Первые произведения Владимира Чивилихина, в особенности документальная повесть «Шуми, тайга, шуми!», оказались на редкость злободневными. О них писали и говорили, отмечая талантливость и гражданскую смелость, страстность автора. Повесть «Шуми, тайга, шумя!» с ее историей молодых лесоводов и Кедрограда, крепко обратила внимание ученых, публицистов, всех, кому была дорога судьба русских лесов, кто ратовал за разумное природопользование вообще. Прочно завязанный в повести сюжетный узел кедровой эпопеи вновь и вновь станет приковывать внимание писателя. Событийность, определившая ход повести и затем замечательного путевого дневника «Месяц в Кедрограде», обернется страстным, исполненным глубокого философского смысла монологом — «Словом о кедре». И что бескорыстное подвижничество однолюбие покорит читателя. Эти и последующие очерки и публицистические выступления, составившие, пожалуй, первую капитальную книгу В. Чивилихина «Любит ли она тебя?», дали на долгие времена прописку в литературе теме «среда и человек», в ту пору малозаметной, а теперь, как видим, первостепенной.

Идя вослед выдающемуся русскому писателю, своему современнику, Леониду Максимовичу Леонову, В. Чивилихин в таких своих публицистических произведениях, как «Месяц в Кедрограде», «Светлое око Сибири», «Слово о кедре», «О чем шумят русские леса?», «Поющие

пески», «Земля в беде» поднимает чрезвычайно важную общественно-социальную и естественно-философскую проблему «человек и природа», или, более обобщенно, «человек и среда», возводя ее в ряд неотложных государственных задач, пути решения которых ныне обозначены в ряде высоких официальных постановлений по экологии.

Накопленный в работе над первыми очерками и статьями литературный опыт и возникший в связи с этим интерес к точным фактам и свидетельствам, позволили В. Чивилихину обрести подлинное мастерство в жанре документальной повести. Среди них первое место по идейно-художественной значительности и завершенности занимают «Серебряные рельсы» — этот суровый, даже трагический рассказ о подвиге, о величии души, товариществе, патриотическом долге.

Три отважных изыскателя железных дорог: начальник экспедиции Александр Кошурников и его помощники Алексей Журавлев и Константин Стофато (их именами теперь названы станции на дороге Абакан — Тайшет) бесследно исчезли в непроходимых Саянах. Много позже в руки писателя попадет уникальный дневник Кошурникова, который и поможет восстановить скорбную и величавую одиссею трех наших простых соотечественников. Чтобы представить, какой эмоциональной силой воздействия обладал чудом сохранившийся на теле погибшего, почти занесенного речным песком изыскателя документ, достаточно привести последние, завершающие трагедию строки из него: «3 ноября. Вторник. Пишу, вероятно, последний раз. Замерзаю. Вчера, 2/XI, произошла катастрофа. Погибли Костя и Алеша. Плот задернуло под лед, и Костя сразу ушел вместе с плотом. Алеша выскочил на лед и полз метров 25 по льду с водой. К берегу добраться помог я ему, но на берег вытащить не мог, так он и закоченел наполовину в воде. Я иду пешком. Очень тяжело. Голодный, мокрый, без огня и без пищи. Вероятно, сегодня замерзну».

В грозном предчувствии смертного конца выгорают человеческие души и власть забирает инстинкт самосохранения, выживания. Об этом писал еще Джек Лондон. Золотая лихорадка, белое безмолвие. Об этом вспомнят герои повести, они не поймут жадность к золоту, губельно захватившую лондоновских одиночек, мелкими покажутся их беды и тяготы — не жрал комар, не терзал гнус, не мучила ледяная и орная река. «Не бывал Джек Лондон в Сибири, — наконец сказал Кошурников»,

И если у многих героев американского писателя в час смертного испытания уходит все человеческое, остается один могучий инстинкт выживания, то в душах настоящих героев, трех бесстрашных покорителей новых дорог, свершается нечто иное — великий взрыв человечности, трагически прекрасное восхождение на высоты человеческого духа.

В. Чивилихин каждой главе повести предпосылает эпиграф из книг и дневников великого русского путешественника, исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского, тем самым как бы подчеркивая преемственность поколений русских землепроходцев, которые роднит отвага, патриотизм, готовность пойти на жертву ради интересов Родины.

ны. Предпоследнюю главу, наиболее тяжелую неотвратимостью изображенных в ней страшных обстоятельств, казалось бы, могущую внушить чувство безысходности, предваряет призыв Пржевальского, который с предельной силой высвечивает оптимистическое, гражданское, патриотическое существо сурового, правдивого повествования: «Товарищи! Дело, которое мы теперь начинаем, — великое дело. Не пощадим же ни сил, ни здоровья, ни самой жизни, если это потребуется, чтобы выполнить нашу громадную задачу и сослужить тем службу как для науки, так и для славы дорогого Отечества».

В «Серебряных рельсах» В. Чивилихин уже предстает как сложившийся литератор, с четко обозначенной идейно-художественной концепцией, со своеобразными индивидуальными профессиональными приемами разработки жизненного материала. В повести произошло гармоническое единение в нечто целое, живое авторского текста и дневниковых записей. Тонко используя возможности документа и художественной прозы, писатель на точном расположении, верном чередовании и осмыслении материала строит эмоциональный план и инструментовку произведения.

Но владение тайнами художественной прозы, которая всегда входила в документальные произведения писателя, поддерживая в них обобщающую высоту, раздвигая рамки описываемого, жестко обозначенные точными фактами, замечательно проявилось в собственно беллетристических повестях В. Чивилихина — «Про Клаву Иванову», «Елки-молтки», «Над уровнем моря».

«Про Клаву Иванову» — пожалуй, первое и последнее произведение Владимира Чивилихина, не отмеченное героикой, в котором нет ни чрезвычайных событий и обстоятельств, ни динамично разворачиваемого сюжета, ни, наконец, значительной личности, приподнятой и романтизированной. Действие его протекает в будничной, сугубо производственной обстановке паровозного депо. Фабула повести также предельно проста — это история соблазненной и покинутой девушки, ничем особенно не примечательной. Однако повесть сразу же обратила на себя внимание новизной и жизненностью проблематики, какой-то особой нравственной страстностью, которая всегда была присуща произведениям В. Чивилихина. Дело было не только в самой героине, в ее доверчивости, неискушенности натуры, обернувшимся личным несчастьем; мать-одиночка, без собственного угла и людского сочувствия. Писатель не боится показать быт далекой сибирской глубинки, в котором, в силу различных социально-исторических причин, оставалось немало от стародавних традиций, от кержацкого матерого уклада, «в котором все перемешалось: старомодное почитание дедов и строгость к молодым, легенды, что лучше правды, но правда хуже всякой выдумки, грязища в цехах и февральская «снегоборьба», вечные бдения диспетчеров и обстоятельные, нудные, похожие друг на друга планерки». Но главное все же писатель видит в другом — это разнообразная и по-своему интересная жизнь устоявшегося «кадрового» рабочего коллектива, с его трудностями

ми, моралью, заботами и радостями. Тут законно гордятся своей историей, тем, что у них на Перегоне возник первый в России Совет рабочих депутатов, что Сергей Миронович Киров создал здесь местную большевистскую организацию, что палили они по белякам из самодельных пушек, а в годы войны бесперебойно отправляли на фронт отремонтированные паровозы. Здесь с любовью говорят о басовитом гудке «кормильце», возвещавшем начало и конец смены, о клубе, который построен своими руками, а в деповской «дежурке» можно послушаться прелюбопытных былей и небылиц про житье-бытье станционного поселка. И этот коллектив, состоявший, в сущности, из неплохих, сердечных людей, вдруг в большинстве своем хмуро встретил девушку-фэзэушницу, вся вина которой — родившийся без отца ребенок на руках. (В скобках заметим, как сдвинулось время с той поры, о которой повесть, о нынешней благожелательной атмосфере, сложившейся вокруг матерей-одиночек. Каков прогресс, каково людское сердоболье, вдруг обернувшееся повальным милосердием в отношении извечного девичьего греха. И прошло-то всего более двух десятков лет!) Потом все образуется, как это сплошь и рядом бывает в жизни. В конце концов победит дух человечности и здравого рассудка. Победят старый рабочий Глухарь и молодой собрат его по коллективу Петр Жигалин, который и ведет свое повествование про Клаву Иванову. Они — Глухарь и Жигалин — образы живой убедительной силы, носители подлинной трудовой морали, они — чивилихинские герои, ибо чисты душой, граждански ответственны за все творимое вокруг, трудолюбивы и скромны.

Тщательно выписанные и тонко, продуманно введенные в ткань повествования картины сибирской природы (воспринимаемой глазами молодого Жигалина, бесконечно любящего тайгу, где душа будто «летит счастье искать») не только подчеркивают духовную восприимчивость к красоте простого человека, они создают особый воздух повести, как бы разряжающий, смягчающий атмосферу сугубо индустриальную, производственную. Лиризм этих картин, спокойно величавых и возвышенных, несомненно, обогащает эмоциональную палитру повести.

«Елки-моталки», появившиеся позже, — произведение иной проблематики, иного материала, даже несколько экзотического. Излюбленный прием В. Чивилихина — соединение романтического содержания с сугубо реалистической манерой его освоения — придает здесь повествованию своеобразный художественный колорит, как бы высвечивая двойным светом события и людей. Хотя бы начать с того, что герои повести — лесные пожарные, люди, безусловно, не массовой профессии, связанной со стихией, опасностью, риском. Отсюда в ней заметна героическая линия, проведенная сквозь будни и чисто человеческие коллизии. Последнее — это нравственное противостояние ведущего героя Родиона Гуляева и некоего Евксентьевского, занесенного в сибирские края, как говорится, на «перековку». Это сюжетный и нравственный, что ли, центр повести, соединяющий все остальные линии. Родион Гуляев и его друзья показаны как фигуры, безусловно, положительные, нравственно здоро-

вые, знающие, как достойно прожить жизнь, короче, это люди трудовой психологии. Напротив, Евксентьевский сам себя заключил в мелкий мирок потребителя и прожигателя, ловца сомнительных житейских ценностей. Для Родиона он — дезертир и цена ему соответствующая: «Вот и войны нет, а дезертиры есть. Если не работает кто или вполсилы норovit, — значит он на чужом горбу едет... Нет, если бы каждый нет своей два пудика, много всем бы народом можно поднять!» Хотя Гуляев отнюдь не нравственный максималист, холодный, непреклонный, судья всех и каждого. Он любил своих товарищей по жизни и работе за надежность, видел их «во всяких видах», не скучал, слушая их обыденные разговоры о бедах-заботах, но хорошо знал и слабости, грешки каждого. Такая простая, земная человечность его, видная во всем, способна вдруг выплеснуться какой-то пронзительной болью за человека. Он вспоминает, как в одной из жестоких схваток с лесным пожаром погиб тракторист. «И вот подумать — один только человек, а народ без него бедный. Еще дальше подумать — от него бы дети пошли, от них новые люди. Один человек, но какая в народе широкая просека образуется! Чем дальше, тем шире...»

Не только многоопытностью, профессиональной сноровкой, но и этой вот щедрой человечностью держался многие годы в нелегкой бригаде, где у всякой свой норов, непререкаемый авторитет Родиона. Недаром старый рабочий Неелов (образ старого пожившего рабочего, немногословного и мудрого, нередко возникает в произведениях В. Чивилихина — вспомним, к примеру, Глухаря из повести «Про Клаву Иванову») втолковывает баптисту, суеверно боявшемуся мира житейского: «Нет, милый, человек... Ты свою пропаганду тут забудь, мы народ тертый. Ну и что же такого, что ты под командой коммуниста? Все мы подчиняемся без звука, потому что он дело наше знает во всяком виде. И, кроме того, Гуляев — человек!»

Гуляев и получился, как образ, тоже живым, тепло осязаемым, лишенным схематизма, той литературной положительности, которая претит, в литературе тех лет, когда появились «Елки-моталки», он был определенно заметен, если еще взять во внимание, что в ту пору немало было героев крикливой фразы, особенно молодых, которые ради поиска разгоняющей скуку романтики совершали наезды в Сибирь. В известной степени и вся повесть имела характер хорошо заметной полемики, хотя главное в ней — утверждение молодого героя своего времени.

В. Чивилихин не раз признавался, что он писатель современной, актуальной темы, «всегда принципиально писал современные вещи, то есть календарно современные». И конечно, появление двухтомного исторического эссе после нескольких лет литературного молчания было неожиданным. Теперь, по прошествии времени после публикации «Памяти» и кончины писателя, мы можем в полную меру оценить подвижнический труд в пятнадцать лет, который предпринял он, забирая в орби-

ту своего художнического внимания всю обозримую глубину великой русской истории. И это не было разрывом в творчестве, уходом от прежнего себя. Была единая, сокровенная подоплека, которая закономерна выводила из прежних книг историческую «Память». Этой подоплекой, всеохватывающей сущностью была сжигающая и сжегшая писателя страсть бережения Родины. В охранительной пламенной публицистике его, в сторожевом крике том об исчезающих лесах, о мелеющих реках, беднеющих почвах, был призыв сберечь материнское лоно природы, в котором тысячелетия живут и покоятся народы нашего государства, творится их самобытная история. Она, эта отечественная история, тоже не раз была в беде, подвергалась не менее грозным набегам и палам, как и молчаливая, терпеливая природа (вспомним хотя бы теорию норманизма, которая отказывала русскому народу в способности самому создать собственное государство).

Актуальность романа-эссе В. Чивилихина в том, что, дав ему имя «Память», он сделал генеральной не научно-историческую категорию, а нечто, что необыкновенно емко вбирает многое — историю, культуру, политику, этнографию... Это — духовный путь народа, духовная преемственность его бесчисленных поколений.

«Через ушедших людей, их дела и дни мы убеждаемся, что прошлое не ушло. Мы живем в нем, сами того не замечая, оно в нас — в нашем мировоззрении, нравственных нормах, каждодневных мыслях, чувствах, поступках, образе жизни, языке, наследственных — от деда к внуку — привычках, и уж от человека лично, а также общества, в котором он живет, зависит степень его духовного родства с предками».

О многом прочтет читатель в романе с вниманием и волнением: о домонгольской Руси, о трехвековом иге, гнувшем, но не сломившем русский народ, о смертельных схватках с тевтонскими рыцарями, о замечательных людях, оставшихся о нашей благодарной памяти трудами во славу Отчизны.

Огромное место в романе-эссе занимает повествование-исследование об участниках восстания на Сенатской площади в декабре 1825 года. Декабризм был выношен российской действительностью и, как справедливо пишет В. Чивилихин, был истинно русским явлением, тысячами нитей связанным с социально-политическими обстоятельствами того времени, с историческими и культурными традициями, бытом и духовным складом нашего народа. Проведя самостоятельное изучение этого выдающегося революционного движения, прочтя впервые многие документы и свидетельства, автор «Памяти» пишет, что оно, это движение, захватило не десятки и даже не сотни передовых представителей дворянства, а тысячи людей из демократических кругов и солдатской массы. Оно выдвинуло на авансцену отечественной истории не только вождей 14 декабря, имена которых теперь знает каждый, но и тех рядовых восстания, о которых по разным причинам (в том числе и по направленным усилиям царизма предать декабризм забвению) память оставила

мало или совсем утратила. В. Чивилихин по крупицам собрал то, что помогло ему воссоздать четкие портреты героев, стертые злым умыслом. Среди них были поистине удивительные люди, на ЕС:орге и в ссылке продолжили они свой гражданский и духовный ползавс. Н. Мозгалевский, П. Выгодковский, Н. Басаргин, А. Корнилович, В. Иза-шев не только достойно прожили жизнь, но трудами своими, н{авст-венным примером осветили скудную тогда жизнь сибирской бескгаи-ности.

Вдохновенные страницы посвятил В. Чивилихин Павлу Выго;овско-му, единственному декабристу-крестьянину, который, как пишет ЕБТор, выпал из поля зрения своих товарищей и был потерян нашими ист:ри-ками. Пусть пунктирно, но в книге восстановлено это беспрецедентное даже для декабристов хождение по мукам: П. Выгодковский прожлл долгую мученическую жизнь и умер последним из декабристов, пережив трех царей. Он оставил после себя уникальное литературное наследиз, с фрагментами которого В. Чивилихин впервые знакомит читателя.

Два важных направления в декабризме рассматривает Б. Чивили-хин особенно пристально и по-новому. Это, как уже отмечалось, извест-ную массовость движения — через солдат в крестьянство. Такая демо-крат и з и р у ю щ а я декабризм точка зрения заслуживает уважение я интерес (она подкреплена веским историческим материалом). Другое, что сразу обращает внимание, — исследование нравственно-патриоти-ческого влияния участников восстания на последующую русскую жизнь. Оно было огромным. В романе скрупулезно прослеживаются родовые связи декабристов до наших дней, обнаруживается и з этом случае удивительная преемственность времен. В родословные героев вплелись такие славные имена, как Д. Менделеев и ученый-географ Грум-Гржи-майло, тут же узнается, что вместе с Сергеем Лазо погиб красный ко-мандир, внук декабриста Алексей Луцкий, а одним из первых изыска-телей БАМа был инженер Николай Мозгалевский, внук и тезка другого декабриста.

В. Чивилихин выделит в духовном наследии дворянских революцио-неров их интернациональную, как мы говорим теперь, озабоченность. В «Русской правде» Пестеля, в этом поразительном своде правил общест-венной морали, принципов и законов государственного устройства бу-дущей Российской республики, писатель подчеркнет слова призыва, что-бы зауральские кочующие народы «да сделаются... нашими братьями и перестанут коснеть в жалостном своем положении». А Гавриил Батень-ков разрабатывает гуманные «Степные законы» для кочующих народов Сибири.

Страницы, посвященные декабристам, овеяны суровым пафосом ре-волюционного подвига, освещены светом высокой гражданственности и чистой нравственности, затверждают в памяти потомков прекрасные примеры патриотического, беззаветного служения народным интересам.

Жизнь Владимира Чивилихина была подвижнической не только напряжением и качеством труда в ней, но главным образом страстной преданностью великим целям, будь то защита природы, в которой живет его народ, или истории, творимой веками многими поколениями. Писатель сам бесконечно верил в то, о чем были его книги и что защищал. Поэтому и читателя он обращает в свою веру через эту искренность собственного чувства и покоряющую силу таланта. Его жизнь вела всепоглощающая, всесобирающая в один пламенный луч дума о пользе всеобщей, о русской земле, о русском человеке на ней,

Н. Сергованцев